

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, СОЗНАНИЕ LANGUAGE, CULTURE AND COGNITION

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-232-250

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

О.В. БАЛЯСНИКОВА¹, Н.В. УФИМЦЕВА¹,
Г.А. ЧЕРКАСОВА¹, Н.Л. ЧУЛКИНА²

¹Институт языкознания РАН
125009, Россия, Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1, стр. 1

²Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В статье представлены результаты психолингвистического исследования, целью которого было выявление влияния культуры и языка на содержание образов языкового сознания, связанных с социально значимыми понятиями. Материалом исследования послужили данные массового ассоциативного эксперимента, проведенного в Республиках Татарстан и Саха (Якутия) с группами респондентов: русских, якутов-билингвов и татар-билингвов. Общей теоретической основой исследования является концепция языкового сознания, разрабатываемая в отечественной психолингвистике и связанная с такими понятиями, как «речевая деятельность», «сознание» и «культура». Языковое сознание понимается как отражение деятельности в ее обусловленности психическими (когнитивными) процессами и актуализация этих отношений в коммуникации. Методом получения данных стал свободный ассоциативный эксперимент с регистрацией первого ответа. Полученный материал представлен в виде модели «ассоциативный гештальт» по Ю.Н. Караулову, модифицированной в соответствии с целью исследования. В данной модели были выделены семантические зоны и субзоны, которые сравнивались далее в разных выборках. Результаты исследования показали, что в ассоциативном значении лексем-стимулов выявляются компоненты, очевидно обусловленные не только различиями структур национальных языков, но и различиями русской, якутской и татарской культур и взаимовлиянием языков/культур в процессе взаимодействия народов в жизненно важных сферах деятельности.

Ключевые слова: языковое сознание, психолингвистический эксперимент, ассоциативное значение, якуты, татары, русские

1. ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях приобретает особую важность описание изменений, отражающихся в значениях языковых знаков, прежде всего слов. Индивидуальное сознание формируется через действия с предметами по правилам данной культуры

путем усвоения различных видов значений: операциональных, предметных и вербальных. Таким образом, за системой языковых значений индивида стоит *субъективный образ объективного мира*, в котором взаимодействуют элементы, содержащие и общечеловеческие, и культурноспецифические знания. Содержание этих знаний отражено в обыденном сознании носителя языка/культуры и в определенной степени поддается изучению (и рефлексии) через свои вербальные репрезентации. Свободный ассоциативный эксперимент (Караулов 2000, Kiss G. 1968, Kiss G. & al. 1972, De Deyne S., & Storms G 2008a, b, 2012) предоставляет возможность для выявления этих знаний, отраженных в ассоциативных значениях слов национального языка. Таким образом, построенная по материалам массовых ассоциативных экспериментов ассоциативно-вербальная сеть может считаться моделью обыденного сознания человека (см. Ufimtseva 2014). Целью данной статьи является описание и обсуждение результатов исследования особенностей регионального языкового сознания одной социальной группы — студентов, проживающих в Республиках Татарстан и Саха (Якутия): русских, татар и якутов.

2. ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Методологические основы исследования

Общей теоретической основой исследования является концепция языкового сознания, разрабатываемая в отечественной психолингвистике и связанная с такими понятиями, как «речевая деятельность», «сознание» и «культура». Языковое сознание понимается как отражение деятельности в ее обусловленности психическими (когнитивными) процессами и актуализация этих отношений в коммуникации через посредство языкового знака. Подход к исследованию феномена «языковое сознание» с позиций теории речевой деятельности (московской школы психолингвистики) методологически является наиболее корректным.

Основным инструментом исследования является широко используемая в психологии и психолингвистике методика свободного ассоциативного эксперимента с регистрацией первого ответа. Материалы массовых ассоциативных экспериментов отражают реальное состояние обыденного сознания носителя определенной культуры/языка и могут использоваться как для анализа его синхронного состояния, так и для фиксации происходящих в нем изменений в течение определенного периода (диахронический аспект). Предполагается, что сформированный у любого индивида образ мира своей культуры, отражающийся в его языковом сознании, характеризуется определенной системностью, и эта системность остается стабильной на протяжении длительного времени.

Применение методов сравнения и сопоставления данных, полученных на материале разных языков, обусловлено необходимостью выявления «культурного компонента» в содержании ассоциативного поля. Значительная роль здесь принадлежит презумпции ценностно-оценочной (прескриптивной) функции культуры, играющей важную роль в восприятии объектов или явлений ее представителями. Таким образом, система ценностей культуры оказывает влияние на индивида,

направляет его взаимодействие с культурными предметами, определяет соответствующее восприятие/оценку того или иного явления, формируя в конечном счете представления о нормах взаимодействия с ними.

Процесс глобализации, инициирующий интенсификацию межкультурных отношений, неизбежно приводит к сближению не только различных культур, но и этнических сознаний их носителей. К негативным последствиям такого процесса относится тенденция к обострению межэтнической нетерпимости, кризис национальной идентичности, распространенность негативных стереотипов в отношении других народов, затрудняющая межкультурное общение. В этих условиях необходимо изучение несоответствий в содержании образа мира взаимодействующих народов и выявление причин такого несоответствия. Предлагаемый нами метод — один из многих, позволяющих зафиксировать сходства и различия (национально-культурную специфику) в содержании образов сознания носителей языков/культур, находящихся в условиях длительного взаимодействия и в то же время испытывающих сильное влияние глобализационных процессов на свой национальный язык и культуру.

Регионы, в которых было проведено исследование, несмотря на общую принадлежность к одному государству, имеют свои особенности: различную историю взаимоотношений населяющих их народов, различие многих элементов культур, наконец, различие самих взаимодействующих языков, за исключением русского, которым владеют все наши респонденты. Выбор данных регионов определяется их полиэтничностью и спецификой языковой ситуации (подробно см.: Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. 2014, Байрамова 1996, Васильев и др. 2015, Васильева 2012, Гузельбаева 2013, Ибрагимова Э.Р., Исхакова и др. 2002, Михальченко 2015, Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. 2013, Ходжаева 2011). Кроме того, в полиэтничных регионах в современных условиях наблюдается варьирование разных критериев идентичности в тех случаях, когда происходит более или менее выраженная культурная ассимиляция (Anderson 1983, Fogelson 1982, Hurrell 1995, Robertson 1998). В частности, типичным является фактическое незнание родного языка при определении своей идентичности по национальному признаку, при указании национального языка в качестве родного, а также двойственная этническая и языковая идентификация.

2.2. Испытуемые

В Республике Саха (Якутия) были опрошены на русском и якутском языках три группы испытуемых — русские (на русском языке) и якуты-билингвы (на русском и якутском языках), в Республике Татарстан — три группы испытуемых — русские (на русском языке) и татары (на татарском и русском языках), постоянно проживающие в республиках. Объем каждой выборки составлял 200–300 человек в возрасте от 17 до 26 лет; соотношение респондентов мужского и женского пола было представлено в равном количестве. Анкетирование проводилось в студенческих группах. В анкетах, содежащих список из 116 стимульных слов, фиксировались следующие данные о респондентах: *пол, возраст, национальность, родной язык, город, вуз*.

Исследование проводилось в три этапа. В 2015 г. был проведен пилотажный эксперимент, в 2016 г. — основной эксперимент в Республике Татарстан с респондентами-русскими и татарами-билингвами, а в 2017 г. — основной эксперимент в Республике Саха (Якутия) с респондентами — русскими и якутами билингвами. С билингвами эксперимент проводился на двух языках.

2.3. Обработка экспериментального материала

Обработке подвергались ответы с частотностью два и более. По материалам ассоциативного эксперимента были построены для каждого слова-стимула семантические гештальты (по методу Ю.Н. Караулова), включающие несколько семантических зон и субзон. Последние не были сконструированы заранее, а определялись характером полученных данных.

В результате было выделены следующие зоны:

Субъект — в зону включались обобщенные номинации (*люди, человек*), номинации по социальным, половым, возрастным, оценочным характеристикам (*учитель, женщина, ребенок, враг*), названия общностей (*коллектив, семья*), а также названия животных и мифологических существ.

Объект — зону составили названия неодушевленных объектов, конкретных и абстрактных; отдельно указывались названия ценностей. Содержание зоны определяется особенностями семантики стимульного слова и поэтому, при статистической значимости, отличается неоднородностью.

Характеристика — в данной зоне выделяется в целом три стандартные субзоны, содержание которых связано с положительной, отрицательной или нейтральной характеристикой объекта, обозначенного стимульным словом.

Действия и состояния — в зоне представлены названия действий или состояний объекта, обозначенного стимульным словом, или действий по отношению к объекту и связанных с ним состояний.

Локус — зона содержит названия территориальных объектов с актуализацией местонахождения или границы.

Эго — зона включает местоимения и другие дейктические слова.

Устойчивые словосочетания составили отдельную зону — это паремии, фразеологизмы и клише.

Прочие слова, представляющие собой, как правило, случаи реагирования не на содержание, а на форму стимула, составили отдельную зону.

Каждая зона ассоциативного гештальта подразделялась на субзоны, например, выделялись субзоны *конкретных* и *абстрактных Объектов, положительных* и *отрицательных Характеристик* и т.д. Отнесение конкретного ассоциата в ту или иную субзону, а также количество субзон и их обозначение определялись для каждого стимула в зависимости от его значения и характера ассоциативной связи со словом-реакцией.

3. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структура и содержание полученных ассоциативных полей обнаружили как сходства, так и различия образов сознания респондентов. Рассмотрим ассоциативные гештальты слова-стимула **страх** как пример таких различий.

Таблица 1

Ассоциативный гештальт слова-стимула *страх**
(по данным эксперимента с русскими респондентами в Республике Татарстан,
проанализировано 258 ассоциатов с частотой 2 и более)

Table 1

Associative Gestalt of the stimulus word *fear*
(according to the experiment with the Russian respondents in the Republic of Tatarstan,
analyzed 258 associates with a frequency of 2 or more)

Семантиче- ская зона / % в семанти- ческом гештальте	Семантическая субзона	Реакции	% в семанти- ческом гештальте
Субъект 2,7	Человек	—	0
	Животное	<i>пауки / паук, змея</i>	2,7
Объект 66,3	Причина	<i>смерть / смерти / перед смертью, темнота / темноты / тьма, высота / высоты, потеря / потери, боль, одиночество, сессия / перед экзаменом, болезнь, жизни, ночь, перед бедой, перед чем-то, перед будущим</i>	40,3
	Синонимы, антонимы и атрибуты	<i>ненависть, чувство, адреналин, присутствие, слабость, боязнь, ужас, паника, гнев, испуг, незнание, отсутствие, порок, преимущество, состояние, стремление</i>	26,0
Характери- стика 2,7	Положительная	—	0
	Нейтральная	<i>маленький, сильный</i>	1,9
	Отрицательная	<i>плохо</i>	0,8
Действие, состояние 17,0	Действие	<i>потерять, умереть, бояться, преодолеть, не суметь, откинут, перебороть, победить, тревожит</i>	11,6
	Состояние	<i>нет, есть</i>	5,4
Локус 3,9	Определенный	<i>в темноте, внутри, в глазах / глаза</i>	3,9
Время 2,3	—	<i>с детства / детства</i>	2,3
Эго 1,6	—	<i>перед собой</i>	1,6
ФЕ 1,2	—	<i>риск</i>	1,2
Прочие 1,2	—	<i>крах</i>	1,2

*Здесь и далее слово-стимул выделено **полужирным** шрифтом, слово-реакция — *курсивом*.

Данные показывают, что источник **страха** мыслится прежде всего как объект (событие), связанный с обстоятельствами жизни человека, как правило естественными — это *смерть, темнота* и *высота* (семантическая зона **Объект**). Значительно реже (единично) **страх** оказывается связан с живыми существами — *пауками* и *змеями*. Синонимы, антонимы и атрибуты указывают на связь страха с другими более сильными чувствами (*ужас, ненависть, гнев*), более слабыми (*боязнь, испуг*), указывают на поведение, обусловленное страхом (*паника, слабость*). Неоднозначность трактовки допускают реакции *присутствие, отсутствие, преимущество, стремление*, представляющие собой, очевидно, трансформированные устойчивые словосочетания. Зона **Действия, состояния** включает две основные группы реакций: первые указывают на действие по отношению к **страху** как объекту (такие как *преодолеть, перебороть*), другие — на причину **страха** (в этом отношении субзона **Действия** отличается от субзоны **Причина (страха)** лишь грамматически): это слова *умереть, не суметь, потерять*. Немногочисленные реакции типа *бояться* семантически сходны со стимулом, а реакция *тревожит* представляет собой частотную предикацию.

Ассоциативный гештальт слова-стимула *страх*
(по данным эксперимента с респондентами-татарами на русском языке,
проанализировано 308 ассоциатов с частотой 2 и более)

Table 2

Associative Gestalt stimulus word *fear*
(according to the experiment with respondents-Tatars in the Russian language,
analyzed 308 associates with a frequency of 2 or more)

Семантиче- ская зона / % в семан- тическом гештальте	Семантиче- ская субзона	Реакции	% в семанти- ческом гештальте
Субъект 5,5	Человек	<i>перед людьми, человека</i>	1,3
	Животное	<i>паук, пауки</i>	4,2
Объект 62,6	Причина	<i>темнота / темноты, боль / перед болью, высота / высоты, смерть / смерти / умереть, сессия / перед сессией / экзамен / экзаменов, одиночества / одиночество, опасность, выбор / перед выбором, слабость, болезнь, потери / потеря, будущее, непонимание, обиды, перед целью, перед чем-то, фильм</i>	42,2
	Синонимы, антонимы, атрибуты	<i>ненависть, необходимость, боязнь, фобия, инстинкт, мучение, эмоции чувство, ужас, добро, паника, бессилие, нечестность</i>	21,4
Характеристика 5,5	Положительная	—	0
	Нейтральная	<i>близок, сильный</i>	0,6
	Отрицательная	<i>черный, плохо / это плохо, жуткий, неодолим</i>	4,9
Действие, состояние 19,1	Действие	<i>потерять, перебороть / побороть, преодолевается / преодолевать / преодолеть бьет, не бойся, отсутствует, пройдет, убивает, ушел быть отвергнутым, все испортить, остаться одному, не получится</i>	14,6
	Состояние	<i>нет / его нет, есть</i>	4,5
Локус 3,2	—	<i>в глазах, в голове в чем-либо, внутри</i>	
Время 1,0	—	<i>детства</i>	1,0
Эго 1,0	—	<i>перед собой</i>	1,0
ФЕ 1,9	—	<i>Божий, это сила / сила, риск, природа</i>	1,9
Прочие	—		0

Отметим, что в данном гештальте совсем не представлена субзона **Человек** и **Положительная Характеристика**.

Семантический гештальт, построенный на экспериментальном материале, полученном от данной выборки респондентов, обнаруживает некоторые отличия от того, который представлен в таблице 1. В зоне **Субъект** выделяются нечастотные реакции субзоны **Человек** (*перед людьми, человека*), различные по характеру актуализируемой связи со стимулом и обозначающие источник и субъекта переживаемого состояния. Зона **Объект** довольно многочисленна, частотные реакции в этой зоне те же, что у русских респондентов в Татарстане (см. табл. 1), однако отличаются большим разнообразием семантики и грамматических вариантов. Ср. **страх** — *сессии / перед сессией, экзамен / экзаменов* и др.; в одном случае испытуемый достраивает стимул до целой синтагмы, в другом — просто называет

ее компоненты. В последнем случае пары стимул—реакция можно трактовать как тематические ассоциативные структуры.

Зона **Объект** включает несколько семантических подгрупп, реакции в которых обозначают чувства, связанные со **страхом** (*ненависть, ужас, боязнь, фобия*), а также поведение, обусловленное **страхом** (*паника, бессилие*). Страх квалифицируется как *инстинкт, эмоция, чувство*.

Субзоны *нейтральных* и *отрицательных* **Характеристик** оказываются близки благодаря присутствию в них интенсификаторов: *сильный, жуткий, неодолим*. Среди отрицательных реакций зафиксирована *это плохо (плохо)*, так же, как и в таблице 1. Среди действий, связанных со страхом, выделяются действия по отношению к объекту (*преодолеть, побороть, перебороть*), действий, приписываемых объекту (*пройдет, убивает, ушел*) и прогнозируемых состояний, вызывающих страх (*быть отвергнутым, все испортить, остаться одному*). Последние семантически связаны с субзоной **Причина** (зона **Объект**). Остальные зоны ассоциативного гештальта наполнены слабо.

Таблица 3

Ассоциативный гештальт слова-стимула *курку* 'страх'
(по данным эксперимента с респондентами-татарами на татарском языке, проанализировано 223 ассоциата с частотой 2 и более)

Table 3

Associative Gestalt of the stimulus word *курку* 'fear'
(according to the experiment with respondents-Tatars in the Tatar language, analyzed 223 associate with a frequency of 2 or more)

Семантическая зона / % в семантическом гештальте	Семантическая субзона	Реакции	% в семантическом гештальте
Субъект 18,0	Человек	<i>кешедән</i> 'от человека', <i>кеше</i> 'человек' <i>батыр</i> 'герой'	4,5
	Животное	<i>куян</i> 'заяц', <i>эт</i> 'собака', <i>аю</i> 'медведь', <i>елан</i> 'змея'	13,5
Объект 47,6	Причина	<i>үлем</i> 'смерть', <i>имтихан</i> 'экзамен', <i>караңгылык</i> 'темнота' / <i>караңгыдан</i> 'темноты', <i>сугыш</i> 'война', <i>төн</i> 'ночь', <i>сессия</i> , <i>көче</i> 'сила', <i>алдау</i> 'обман', <i>чир</i> болезнь, <i>яшен</i> 'молния'	22,9
	Синонимы, антонимы и атрибуты	<i>батырлык</i> 'героизм', <i>кыюлык</i> 'смелость, отвага, бойкость, решительность' <i>хисе</i> 'чувство' / <i>хис</i> 'чувство', <i>борчылуу</i> 'беспокойство', <i>оят</i> 'стыд, позор, срам', <i>авырлык</i> 'тяжесть', <i>шом</i> 'тревога'	24,7
Характеристика 13,0	Положительная	—	0
	Нейтральная	—	2,7
	Отрицательная	<i>караңгы</i> 'темно, темный', <i>начар</i> 'плохой, скверный', <i>куркыныч</i> 'опасный', <i>начарлык</i> 'плохое, лихое'	10,3
Действие и состояние 23,8	Действие	<i>куркымау</i> 'не бояться', <i>белмәү</i> 'не знать', <i>калтырау</i> 'дрожать', <i>елау</i> 'плакать', <i>качу</i> 'убегать', <i>оялу</i> 'стесняться', <i>кайгыру</i> 'горевать, печалиться', скорбеть, <i>убиваться</i> , <i>каушау</i> 'смущаться', <i>көлу</i> 'смеяться, насмехаться, издеваться', <i>тудыру</i> 'создавать, рождать', <i>югалту</i> 'терять'	16,6
	Состояние	<i>кирәк түгел</i> 'не надо', <i>бар</i> 'есть', <i>юк</i> 'нет'	7,2
Локус	—	—	0
Эго	—	—	0
ФЕ	—	—	0
Прочие	—	<i>булмасын</i> 'пусть не будет'	0,9

У респондентов-татар на татарском языке появляется больше реакций, входящих в зону **Субъект**: к имеющимся в таблице 2 добавляется реакция *батыр* ‘герой’, в субзоне **Животные** отсутствует реакция *паук*, но добавляются другие слова: *эт* ‘собака’, *аю* ‘медведь’, *куян* ‘заяц’ — последнее можно трактовать не как источник, а как символ **страха**. Среди **Причин страха** (зона **Объект**) называются те же, что и в предыдущих выборках, наименования источника **страха** — это *смерть*, *темнота*, *экзамен (сессия)*, *болезнь*, — но более разнообразные: к ним добавляются *сугыш* ‘война’, *яшен* ‘молния’. Как и в двух предыдущих выборках, **страх** не получает **положительных Характеристик**, а **отрицательные** характеризуют объект как *темный* и *плохой*. Отметим, что последняя характеристика присутствует и у русских, а определение **страха** как *черный/темный* присуща только респондентам-татарам.

Зона **Объект** включает несколько реакций-антонимов: *батырлык* ‘героизм’, *кыюлык* ‘смелость, отвага, бойкость, решительность’ и реакций-синонимов: *оят* ‘стыд, позор, срам’, а также реакции, называющие чувства: *хисе/хис* ‘чувство’, *борчылу* ‘беспокойство’, *шом* ‘тревога’.

Довольно много ассоциатов наполняют зону **Действие, состояние**: они называют в большинстве своем действия и состояния, связанные со **страхом** как их причиной (*калтырау* ‘дрожать’, *елау* ‘плакать’, *качу* ‘убегать’, *оялу* ‘стесняться’, *кайгыру* ‘горевать, печалиться, скорбеть, убиваться’ и др.).

Таблица 4

Ассоциативный гештальт слова-стимула страх

(по данным эксперимента с русскими респондентами в Республике Саха (Якутия), проанализировано 99 ассоциатов с частотой 2 и более)

Table 4

Associative Gestalt of the stimulus word fear

(according to the experiment with the Russian respondents in the Republic of Sakha (Yakutia), analyzed 99 associates with a frequency of 2 or more)

Семантическая зона / % в семантическом гештальте	Семантическая субзона	Реакции	% в семантическом гештальте
Субъект 10,1	Человек	людей / человека / враг	10,1
	Животное	—	0
Объект 62,2	Причина	смерть / смерти / перед смертью, темнота / темноты, одиночество / одиночества, высота / высоты, боль, опасность, чего-либо	41,4
	Синонимы, антонимы и атрибуты	боязнь, ужас, сила, слабость	21,2
Характеристика 9,1	Положительная	—	0
	Нейтральная	сильный / силен, большой	9,1
	Отрицательная	—	0
Действие, состояние 5,0	Направленное на объект	потерять	3,0
	Состояние	нет	2,0
Локус 3,0	—	в глазах	3,0
Время	—	—	0
Эго 2,0	—	мой	2,0
ФЕ 6,0	—	Божий, риск	6,0
Прочие 2,0	—	страшный	2,0

Как демонстрируют данные таблицы 4, реакции, представленные в зоне **Субъект**, не отличаются разнообразием: указания на **животных** как источник **страха** отсутствуют. Ассоциаты, содержащиеся в зоне **Объект**, сходны с ассоциатами той же зоны в других выборках (см. табл. 1—3). **Страх** получает ту же характеристику, что и в ответах других групп испытуемых — *сильный*. Среди устойчивых словосочетаний зафиксирована особая реакция *Божий*; прочие реакции представляют собой дериваты стимула.

Таблица 5

Ассоциативный гештальт слова-стимула страх
(по данным эксперимента с респондентами-якутами на русском языке, проанализировано 99 ассоциатов с частотой 2 и более)

Table 5

Associative Gestalt of the stimulus word fear
(according to the experiment respondents Yakuts in Russian language analyzed 99 associates with a frequency of 2 or more)

Семантическая зона / % в семантическом гештальте	Семантическая субзона	Реакции	% в семантическом гештальте
Субъект	—	—	0
Объект 85,8	Стимул	<i>смерть / смерти, высота / высоты, темнота / тьма, боль, потеря, экзамен, жизнь, перед чем-то</i>	52,5
	Синонимы, антонимы и атрибуты	<i>боязнь, ужас / ужасы, смелость, слабость, фобия, чувство, получить 3-ку</i>	33,3
Характеристика 2,0	Положительная	—	0
	Нейтральная	<i>большой</i>	2,0
	Отрицательная	—	0
Действие, Состояние 5,0	Действие	<i>преодолеть</i>	2,0
	Состояние	<i>нет</i>	3,0
Локус 2,0	Определенный	<i>сердце</i>	2,0
Время	—	—	0
Эго	—	—	0
ФЕ 3,0	—	<i>Божий</i>	3,0
Прочие 3,0	—	<i>перед</i>	3,0

Данные, представленные в таблице 5, в целом повторяют те же реакции, что содержатся и в других ассоциативных гештальтах, рассмотренных ранее. *Смерть, высота и темнота* указываются всеми респондентами в качестве типичных источников **страха**. Другая субзона зоны **Объект** свидетельствует о наиболее типичной стратегии включать стимул в синонимические (*ужас, фобия, боязнь*), антонимические (*смелость*) или гипо-гиперонимические отношения (*чувство*). В данной семантической субзоне содержатся реакции, обусловленные характером деятельности наших респондентов. Остальные зоны содержат незначительное число реакций.

Таблица 6

Ассоциативный гештальт слова-стимула куттал 'страх'
(по данным эксперимента с респондентами-якутами на якутском языке,
проанализировано 132 ассоциатов с частотой 2 и более)

Table 6

Associative Gestalt stimulus word was куттал 'fear'
(according to the experiment respondents Yakutia in the Yakut language,
analyzed 132 associates with a frequency of 2 or more)

Семантическая зона / % в семантическом гештальте	Семантические субзоны	Реакции	% в семантическом гештальте
Субъект 13,7	Человек	<i>киһи</i> 'человек'	3,8
	Животное	<i>куобах</i> 'заяц'	2,3
	Мифологическое существо	<i>абааһы</i> мифол., фольк. 'злой дух, злое начало'	7,6
Объект 77,3	Причина	<i>баттал</i> 'гнет, притеснение, насилие, гонение' / <i>баттабыл</i> 'притеснение, угнетение, гонение', <i>өлүү</i> 'смерть, гибель', <i>барыта</i> 'всё', <i>киинэфильм</i> , <i>сэри</i> 'война', <i>хараҥа</i> 'темнота, тьма', <i>сессия</i>	70,5
	Синонимы, антонимы и атрибуты	<i>ыксал</i> 'спешность, срочность, спешка', <i>соһуйуу</i> 'вздрагивание (от испуга), удивление (от неожиданности)', <i>долгуйуу</i> 'волнение', <i>сэрэх</i> 'осторожность'	6,8
Характеристика 2,3	Положительная	—	0
	Нейтральная	—	0
	Отрицательная	<i>куһабан</i> 'плохой, дурной'	2,3
Действие состояние 6,8	Направленное на объект	<i>суоһаата</i> 'нависать (перен)	1,5
	Состояние	<i>суох</i> 'нет', <i>баар</i> 'есть, имеется'	5,3
Локус	—	—	0
Время	—	—	0
Эго	—	—	0
ФЕ	—	—	0
Прочие	—	—	0

Ассоциации, данные респондентами-якутами на якутском языке, обнаруживают определенные отличия от тех реакций, которые получены в других выборках испытуемых.

Больше половины всех реакций зоны **Субъект** занимает ассоциат *абааһы* миф., фольк. 'злой дух, злое начало' — субзона **Мифологическое существо** выделяется только в этом гештальте. Из зоонимов встречается только *куобах* 'заяц' — так же, как и у респондентов-татар, отвечавших на татарском языке. Данная реакция на русском языке не зафиксирована ни у билингов, ни у русских. Существенно отличается от аналогичных в других выборках зона **Объект**: значительное число реакций в ней занимают ассоциаты *баттал* 'гнет, притеснение, насилие, гонение', *баттабыл* 'притеснение, угнетение, гонение', в то же время отсутствуют характерные для других выборок указания на **страх высоты**. Другая субзона зоны **Объект** содержит слова, называющие наблюдаемые действия человека и испытываемые им состояния: *ыксал* 'спешность, срочность, спешка', *соһуйуу* 'вздрагивание (от испуга), удивление (от неожиданности)', *долгуйуу* 'волнение', *сэрэх* 'осторожность'. Вообще, основное количество ассоциатов сконцентрировано именно в зоне **Объект**: они составляют 77,3% от общего числа ас-

социатов и имеют четкое ядро, формируемое значительным числом ассоциатов со значением гнета, притеснения и гонения. Среди характеристик представлены только *отрицательные* оценочные реакции. В субзоне **Состояние** констатируется его наличие или отсутствие, что сходно с ассоциатами соответствующей субзоны в других ассоциативных гештальтах.

Представим данные по всем проанализированным выборкам в виде сводной таблицы 7.

Таблица 7

**Наполненность семантических зон
и субзон ассоциативного гештальта слова-стимула страх в шести выборках**
(данные в %)

Table 7

**Fullness semantic zones
and sub-zones associative Gestalt of the stimulus word fear in six samples**
(data in %)

Зона / Регион	Русские в Татарстане (ТатРР)	Татары на русском языке (ТатТР)	Татары на татарском языке (ТатТТ)	Русские в Якутии (ЯкРР)	Якуты на русском языке (ЯкЯР)	Якуты на якутском языке (ЯкЯЯ)
Субъект	2,7	5,5	18,0	10,1	—	13,7
<i>Животное</i>	2,7	4,2	13,5	—	—	2,3
<i>Человек</i>	—	1,3	4,5	10,1	—	3,8
<i>Мифологическое существо</i>	—	—	—	—	—	7,6
Объект	66,3	62,6	47,6	62,2	85,8	77,2
<i>Причина</i>	40,3	42,2	22,9	41,4	52,5	71,9
<i>Синонимы, антонимы и атрибуты</i>	26,0	21,4	24,7	21,2	33,3	5,3
Характеристика	2,7	5,5	13,0	9,1	2,0	2,2
<i>Положительная</i>	—	—	—	—	—	—
<i>Нейтральная</i>	1,9	0,6	2,7	9,1	2,0	—
<i>Отрицательная</i>	0,8	4,9	10,3	—	—	2,2
Действие, состояние	17,0	19,1	23,8	5,0	5,0	6,8
<i>Локус</i>	3,9	3,2	—	3,0	2,0	—
<i>Эго</i>	1,6	1,0	—	2,0	—	—
<i>Время</i>	2,3	1,0	—	—	—	—
<i>ФЕ</i>	1,2	1,9	—	6,0	3,0	—
<i>Прочие</i>	1,2	—	0,9	2,0	3,0	—

Как видно из представленных в таблице 7 данных, семантические зоны различаются по своей наполненности в разных выборках. Наиболее значимой во всех ассоциативных гештальтах является зона **Объект**; наполненность этой зоны наиболее высока у респондентов-якутов (на русском и якутском языках), а наименее — у респондентов-татар, отвечавших на татарском языке. На русском языке у этой группы респондентов показатели приближаются к показателям, полученным от русских испытуемых, составляя чуть более 60% всех ответов. Существенно различается и количественное распределение субзон в зоне **Объект**: указание на *причины страха* встречается почти в два раза чаще, чем прочие ассоциаты, у всех групп респондентов, кроме татар, отвечавших на татарском языке, где эти показатели приблизительно равны, и у якутов, отвечавших на якутском языке, где разница между субзонами — более чем в 13 раз. Очевидно, что такая картина

обусловлена влиянием языка опроса на стратегии ассоциирования, на которые опирается билингв в каждом случае.

Различия между выборками обнаруживаются также при обращении к зоне *Действие, состояние*. Зона в количественном отношении особенно выражена у татар, отвечавших на татарском языке, и у татар, отвечавших на русском языке. Вообще, обнаруживается значительно большее количество и разнообразие ассоциаций этой зоны у респондентов в Татарстане (русских и татар), нежели у респондентов в Якутии (русских и якутов).

По характеру семантических субзон зоны *Действие, состояние* видно, что реакции респондентов-татар более разнообразны, чем реакции русских, и что у татар реакции качественно различаются при ответах на русском и татарском языке, в то время как ответы на русском языке у русских и у татар в основном сходны. При ответе на русском языке у татар-билингвов актуализируются синтагматические (текстовые) связи, где употребляется частотный глагол в инфинитиве с существительным-объектом (*побороть / преодолеть страх*), стимул в функции субъекта (*страх ушел / пройдет*), а также сочетания с инфинитивом в атрибутивной функции (*страх быть отвергнутым / все испортить / остаться одному*).

Характерно, что в данной субзоне почти не встречается случаев нарушения грамматических (синтагматических) связей между стимулом и реакцией, исключение составляет, пожалуй, только пара **страх** — *не бойся*, которая не является отклонением от нормы. Полагаем, что это связано с хорошим владением респондентами-татарами русским языком как основным языком обучения. При ассоциировании на татарском языке актуализируются иные связи со стимулом, прежде всего парадигматические и тематические, что обусловлено особенностями татарского языка.

В выборке якутов, отвечавших на якутском и на русском языках, данная зона оказывается почти не представленной; на русском реализуется типичное сочетание *преодолеть* страх, а на якутском страх, очевидно, мыслится в своем статичном состоянии: *суох* 'нет', *баар* 'есть, имеется'.

Семантическая зона *Субъект* актуализируется при ответе испытуемых-билингвов на национальном языке, в то время как на русском языке количество ассоциатов, входящих в эту зону, существенно уменьшается, а у якутов вообще отсутствует. Состав реакций в пределах субзон обнаруживает определенные отличия. Респонденты-татары употребляют зооним в связи со **страхом** и на русском и на татарском языках, причем на татарском языке субзона *Животные* представлена значительно более разнообразно. Вообще, указание на животное как на источник страха типично для всех испытуемых, в том числе и русских, а на татарском и якутском языках встречается зооним «заяц». При ответе на якутском языке респонденты-якуты несколько чаще употребляют название человека и в два раза больше упоминают *злое начало* (*дух*). Указание на последнее не встречается ни в какой другой выборке.

Характерно, что упоминание *мифологических существ* чаще имеет место при ассоциировании на национальных языках. Приведем в качестве примера фрагмент сводной таблицы на стимул **зло** в тех же выборках.

Таблица 8

Наполненность семантической зоны **Субъект** (слово-стимул зло)

Table 8

Fullness semantic zones the **Subject** (stimulus word evil)

Зона/Регион	Русские в Татарстане (ТатРР)	Татары на русском языке (ТатТР)	Татары на татарском языке (ТатТТ)	Русские в Якутии (ЯкРР)	Якуты на русском языке (ЯкЯР)	Якуты на якутском языке (ЯкЯЯ)
Субъект	3,9	4,9	12,5	2,7	8,3	9,3
Животное	—	—	2,5	—	—	—
Человек	3,9	4,4	9,0	2,7	2,5	1,7
Мифологическое существо	—	—	1,0	—	5,8	7,6

Как видно из приведенных данных, зона особенно актуализируется при ответе билингвов на своих национальных языках, а при ответе на русском языке ее вес больше по сравнению с той же зоной, смоделированной по ответам русских испытуемых. Русские не упоминают в связи со стимулом названия мифологических существ, у татар оно нечастотно (*шайтан* ‘черт’), а у якутов эти названия разнообразны и встречаются значительно чаще, чем в других выборках: *дьявол, демон, нечисть, абааһы* ‘злой дух, злое начало; чудовище’. Что касается зоонимов, то, как видно из таблицы 8, они фиксируются только в одной выборке респондентов: (тат.) *эт* ‘собака’, *буре* ‘волк’. Вообще, тенденция к актуализации зоны **Субъект** при ответе на национальных языках, а также субзон **Животные** и **Мифологические существа** в зависимости от национальности респондентов и региона проживания была отмечена нами ранее (см. Балясникова, Уфимцева 2016а, Балясникова Уфимцева, Черкасова 2016б, Балясникова, Степанова, Черкасова, Уфимцева 2017, Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния 2016, Чулкина 2016).

Сходство и различие ассоциативных стратегий испытуемых всех шести обследованных групп можно увидеть на графике (рис. 1).

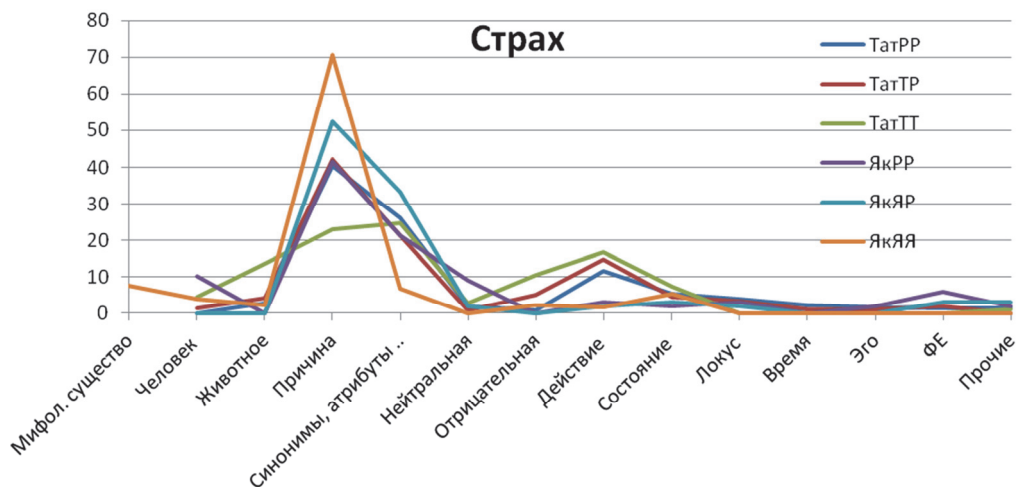

Рис. 1. График распределения реакций на стимул **страх** по семантическим субзонам
 Fig. 1. Graph of distribution of responses to the **fear** stimulus by semantic sub-zones

На графике видно, что наибольшее количество ассоциаций приходится на субзону *Причина* — называется источник страха, и здесь выделяются обе группы респондентов-якутов. Реакции респондентов-татар, отвечавших на русском языке, в этой точке сближаются с реакциями русских испытуемых. Различие в реакциях групп респондентов в зависимости от национальности видно также в субзоне *Действие*. Наибольшее различие демонстрируют графики, построенные на материале ассоциаций татар (на татарском языке) и якутов (на якутском языке). Сближение ассоциативных субзон и сходство ассоциативных стратегий наблюдается при ассоциировании на русском языке, однако их совпадения не происходит.

4. ВЫВОДЫ

Страх как общечеловеческое чувство (и как «культурный предмет») вербализуется в зависимости как от языка, так и от особенностей культуры (национальности) респондентов. Судя по ассоциациям, страх связан в их сознании с обстоятельствами жизни человека и с общечеловеческими чувствами и эмоциями. В характере этих ассоциаций обнаруживается как биологическая, так и социальная основа страха: люди боятся естественных жизненных событий, над которыми они не имеют власти, такими как смерть, а также тех, которые в значительной степени связаны с его обычной, например, учебной, деятельностью. В определенной степени страх связан с другими людьми и исходит от них — например, страх остаться одному или быть отвергнутым. Наконец, страх связан с животными, вызывающими негативные эмоции, — чаще упоминаются определенные насекомые или пресмыкающиеся.

Страх в обыденном языковом сознании связан с другими чувствами и эмоциями и имеет разную интенсивность проявления — от боязни до фобии. В негативной оценке состояния страха (например, *плохо*) проявляется социальная оценка этого явления. Страх ассоциируется с темнотой или чернотой как источником негативных ощущений.

В представлении о страхе респонденты-татары обнаруживают большую, нежели другие испытуемые, ориентированность на субъекта и большее, чем другие, упоминание объектов и действий, связанных с ним. Вообще, как это проявляется и на других ассоциациях, мир носителей татарской культуры связан с осознанием человеческого (субъектного) окружения. Татарам свойственно ощущение разнообразных социальных связей, что и находит выражение в многообразных обозначениях. Данные, которые мы могли исследовать на ограниченном материале, позволяют судить о том, что у татар образ мира является динамичным и позитивным, очевидно потому, что, с одной стороны, несмотря на глобализационные процессы, элементы национальной культуры сохраняют свое традиционное содержание, а с другой — существует выраженный коллективизм татарской культуры.

Якутскому языковому сознанию свойственно достаточно определенное и более конкретное представление о страхе. Страх связан у них с ощущением влияния внешней силы: так, якуты дают частотные реакции со значением «гнет, притеснение», а также упоминают мифологические образы. Эта особенность проявляется

чаще на родном языке: разница между ассоциированием на родном и на русском языках особенно характерна для респондентов-якутов.

В ответах на русском языке респонденты — татары и якуты — обнаруживают сходную с русскими испытуемыми, но не идентичную стратегию ассоциирования. Одной из них, довольно устойчивой, судя и по другим стимулам (см., например, Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния 2017), является возрастание количества устойчивых словосочетаний.

Возможное объяснение причин выявленных нами тенденций опирается на психолингвистические представления о закономерностях формирования знаний, связанных со словами родного и неродного языков.

К языку как деятельностной структуре (а именно такое понимание языка разделяется учеными московской психолингвистической школы) «принадлежат значения как социальные по своей сущности единицы, универсальная организация речевой деятельности по единицам и уровням и, наконец, специфические для каждого языка операторы (непосредственные средства речепорождения и речевосприятия)» (А.А. Леонтьев 1997: 42). Представленный таким образом язык превращается в универсальное средство связи человека с культурой и образом мира как ее основной составляющей (через значения). Эта связь двусторонняя: в процессе онтогенеза и социализации происходит формирование индивидуального образа мира на основе общекультурного через присвоение значений (в деятельности и общении) и их осмысление, а затем — постоянный обмен значениями между индивидуальным и общественным сознанием.

Исследования речевых произведений билингов косвенно подтверждают эти положения: так, морально-этические представления, эмоциональные ощущения оказываются связанными именно с родным языком (Sedivy 2016, Hayakawa & Keysar 2017).

За словом родного языка стоит множество знаний и умений, связанных с культурным предметом, которое оно (слово) обозначает. Когда же человек переходит на язык другой культуры, особенно если он является языком обучения, то во многих случаях оказывается важнее то, какие тексты мы читаем. Слово родного языка несет в себе потенциальную энергию живого действия, а слово чужого языка такой потенциальной энергией не обладает. Именно поэтому первое, предъявленное в ассоциативном эксперименте, вызывает как реакцию комплекс культурно обусловленных знаний, а второе — комплекс структурных (сочетаемых) связей данного слова с другими словами данного языка.

© О.В. Балясникова, Н.В. Уфимцева,
Г.А. Черкасова, Н.Л. Чулкина, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований». 2014. Кн. 1. С. 237—257. [Aktualnye etnojazykovye i etnokulturnye problem sovremennosti (Modern Ethnolinguistic and Ethnocultural Issues) (2014). Moscow: Fond “Razvitija fundamentalnyh linstivicheskikh issledovaniy”. Kn. 1, 237—257. (In Russ.)]

- Байрамова Л.К. Языковая модель Татарстана // *Модели национальных языков*. Казань, 1996. С. 13—22. [Bayramova, L. (1996). Jazykovaja model Tatarstana (Language Model of Tatarstan). *Modeli natsionalnyh jazykov*. Kazan, 13—22. (In Russ.)]
- Балясникова О.В., Уфимцева Н.В. Значение как социокультурный феномен и его отражение в ассоциативной лексикографии // *Культурное наследие традиционных сообществ в контексте мировой цивилизации: Проблемы перевода и межкультурного диалога*. Якутск, 10—11 ноября 2016 г. Материалы конференции. С. 232—37. [Baljasnikova, O., Ufimtseva N. (2016). Znachenie kak sotsiokulturnyj fenomen i jeho otraszenie v assotsiativnoy leksikografii (Meaning as Sociocultural Phenomena and its Reflection in Associative Lexicography). *Kulturnoe nasledie traditsionnyh soobschestv v kontekste mirovoy tsivilizatsii: problem perevoda i meszkulturnogo dialoga*. Jakutsk, 10—11 nojabrja. Materialy konferentsii, 232—237. (In Russ.)]
- Балясникова О.В., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Содержание и структура образа «закон» в языковом сознании татар-билингвов (экспериментальное исследование) // *Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы*. Материалы российской научной конференции с международным участием. Элиста, 24—26 октября 2016 г. Элиста: ЗАО НПП «Джангар», 2016. С. 228—237. [Baljasnikova, O., Ufimtseva, N., Cherkasova, G. (2016). Soderzhanie i struktura obraza “zakon” v jazykovom soznanii tatar-bilingvov (eksperimentalnoye issledovanie) (The Content and Structure of the Image “Law” in Language Consciousness of Bilingual Tatars). *Russkiy jazyk v inojazychnom okruszenii: sovremennoye sostojanie, perspektivy razvitija, kulturno-rechevye problemy*. Materialy rossiyskoj nauchnoy konferentsii s meszdnarodnym uchastiem. Elista, 24—26 oktjabrja 2016. Elista: ZAO NPP “Djanganr”, 228—237. (In Russ.)]
- Балясникова О.В., Степанова А.А., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Этнолингвистический аспект регионального языкового сознания // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, № 4, 2017, том 8 (№ 4), с. 1161—1170. [Balyasnikova, O.V., Cherkasova, G.A., Stepanova, A.A., Ufimtseva, N.V. (2017). Ethnopsycholinguistic aspect of Regional Language Consciousness. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1161—1170. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1161-1170. (In Russ.)]
- Васильев А.Д., Васильева С.П., Тимченко А.Г. Этнокультурное сознание: самосознание сибиряка, отраженное в языке. Красноярск, 2015. [Vasiliev, A., Vasilieva, S., Timchenko, A. (2015). *Etnokulturnoye soznanie: samosoznanie sibirjaka, otraszennoye v jazyke* (Ethnocultural Consciousness: Siberian Self-Consciousness in Language). Krasnojarsk. (In Russ.)]
- Васильева Р.И. Языковая ситуация в республике Саха (Якутия) (на материале Приленья) // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2012. № 1. С. 88—91. [Vasilieva, R.I. (2012). Yazykovaja situatsija v respublike Saha (Jakutija) (na material Prilenja) (Language Situation in Prilensky region of the Sakha Republic (Yakutia). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 88—91. (In Russ.)]
- Гузельбаева Г.Я. Практики использования государственных языков жителями Татарстана в ситуации официального двуязычия // *Вестник ТГГПУ*. 2013. № 4. С. 44—51. [Guzelbaeva, G. (2013). Praktiki ispolzovanija gosudarstvennyh jazykov sziteljami Tatarstana v situatsii ofitsialnogo dvujazychija (Official Languages in Tatarstan in Bilingual Situation. *Vestnik TGGPU*, 4, 44—51. (In Russ.)]
- Ибрагимова Э.Р., Тиригулова Р.Х. Полилингвальная языковая ситуация в республике Татарстан [Электронный ресурс] // [http: www.sworld.com.ua/index.php/en/philosophy-and-philology](http://www.sworld.com.ua/index.php/en/philosophy-and-philology)

112/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-112/12294-112-658 [Ibragimova, E., Tirigulova, R. Polilingvalaja jazykovaja situatsija v respublike Tatarstan (Polylingual Situation in Tatarstan). Retrieved from: <http://www.sworld.com.ua/index.php/en/philosophy-and-philology-112/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-112/12294-112-658>. (In Russ.)]

Михальченко В.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // *Языковая ситуация в Европе начала XXI века: сб. обзоров / РАН ИНИОН Центр гуманитар. науч. информ. исслед. Отдел языкознания; Отв. ред. Трошина Н.Н. М., 2015. (Сер. Теория и история языкознания)*. С. 14—31. [Mihalchenko, V. (2015). Jazykovaja situatsija i jazykovaja politika v sovremennoj Rossii (Language Situation and Language Policy in Modern Russia). Jazykovaja situatsija v Evrope nachala XXI veka: sb. obzorov. RAN INION Tsentr gumanit. Nauchno-inform. issled. Otdel jazykoznanija; In Troshina N.N. (ed.). Moscow. (Ser. Teorija i istoriya jazykoznanija), 14—31. (In Russ.)]

Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимовлияния. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Разумкова А.В., Степанова А.А. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Ярославль: Издательство «Канцлер», 2017. [Ufimtseva, N., Cherkasova, G., Baljasnikova, O., Razumkova, A., Stepanova, A. (2017). Regionalnoe jazykovoe soznanie komi, russkikh i tatar: problem vzaimovlijanija (Regional Language Consciousness of Komi, Russians and Tatars: problem of mutual influence). In Ufimtseva, N. (ed.). M.: Yaroslavl: Izdatelstvo “Kansler”. (In Russ.)]

Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект / Р.И. Васильева, М.Г. Дегтярева, Н.И. Иванова, Л.Н. Семенова. Новосибирск: Наука, 2013. [Vasilieva, R., Degtjareva, M., Ivanova, N., Semenova, L. (2013). Sovremennaja etnojazykovaja situatsija v Respublike Saha (Jakutija): sotsiopsycholingvisticheskiy aspekt (Modern Ethnolinguistic Situation in the Sakha Republic (Yakutia): socio and psycho-linguistic aspect). Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)]

Ходжаева Е. Татарский язык в школах Татарстана: общественные дебаты и мнение населения // *Неприкосновенный запас*, 2011, № 6 (80). С. 246—247. [Hodszaeva, E. (2011). Tatarskiy jazyk v shkolah Tatarstana: obschestvennye debaty i mnenie naselenija (The Tatar Language in Tatarstan Schools: Public Debates and Opinions. *Neprikosnovenny zasap*, 6 (80), 246—247. (In Russ.)]

Чулкина Н.Л. Морально-этические регулятивы «совесть», «стыд», «хорошо/плохо», «нельзя» в русском и татарском быденном языковом сознании (по материалам «Русского ассоциативного словаря» (РАС-1) и пилотажного эксперимента в Татарстане) // *Вопросы психолингвистики*. 2016, № 4(30). С. 266—273. [Chulkina, N. (2016). Moral and ethical “regulatives”: “Conscience”, “Shame”, “Good/Bad”, “One cannot do” in Russian and Tatar everyday language consciousness (based on a pilot experiment in Tatarstan). *Journal of Psycholinguistics*, 4 (30), 266—273. (In Russ.)]

Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London.

Breakwell, G.M. (1986). *Coping with Threatened Identities*. L.; N.Y.

De Deyne S., & Storms, G. (2008a). Word Associations: Norms for 1,424 Dutch words in a continuous task. *Behavior Research Methods*, 40, 198—205.

De Deyne, S., & Navarro, D., & Storms, G. (2012). Better explanations of lexical and semantic cognition using networks derived from continued rather than single word associations, *Behavior Research Methods*., 45, 480—498.

- De Deyne, S., & Storms, G. (2008b). Word associations: Network and semantic properties. *Behavior Research Methods*, 40, 213—231.
- Fogelson, R.D. (1982). Person, self and identity. *Psychosocial theories of the self*. N.Y., L., 15—132.
- Hurrel, A. (1995). Expanding in Resurgence of Regionalism in World Politics. *Review of International Studies*, 21(4), 323—343.
- Kiss, G. (1968). Words, associations, and networks. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 7, 707—713.
- Kiss, G., Armstrong, C., Milroy, R. (1972). *The Associative Thesaurus of English*. Edinburg: Univ. of Edinb., MRC Speech and Communication Unit.
- Lawrence R. Robertson (1998). Ethnic Politics in the Russian Republics: Ethnic Revivals and Language Policies. Prepared for the Regional Russia Workshop, the Kennan Institute, Woodrow Wilson Center meeting. Washington DC, January 22—24.
- Ufimtseva, N. (2014). Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication. *Intercultural Communication Studies*. Vol. XIII: I, 1—13.
- Sayuri Hayakawa, Boaz Keysar. Using a Foreign Language Reduces Mental Imagery. Retrieved from: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2017.12.010>.
- Sedivy, J. (2016). Morality Changes in a Foreign Language. Fascinating ethnical shifts come with thinking in a different language. Retrieved from: <http://www.scientificamerican.com/article/how-morality-changes-in-a-foreign-language/>.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 декабря 2017

Дата принятия к печати: 12 февраля 2018

Для цитирования:

Балясникова О.В., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Чулкина Н.Л. Языковое сознание: региональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 232—250. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-232-250.

Сведения об авторах:

БАЛЯСНИКОВА ОЛЬГА ВЕНИАМИНОВНА — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН; *Сфера научных интересов:* психолингвистика, лингвоконфликтология. *Контактная информация:* e-mail: bn.post@yandex.ru

УФИМЦЕВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА — доктор филологических наук, профессор, зав. сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН; *Сфера научных интересов:* психолингвистика, этнопсихолингвистика, языковое сознание. *Контактная информация:* e-mail: nufimtseva@yandex

ЧЕРКАСОВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА — научный сотрудник Института языкознания РАН; *Сфера научных интересов:* психолингвистика, компьютерная лингвистика. *Контактная информация:* e-mail: gacherk@mail.ru

ЧУЛКИНА НИНА ЛЕОНИДОВНА — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, филологического факультета Российского университета дружбы народов. *Сфера научных интересов:* психолингвистика, этнопсихолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, семиотика, межкультурная коммуникация. *Контактная информация:* e-mail: nina.chulkina@yandex.ru

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-34-14007/17 «Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния» и гранта РФФИ № 15-04-00378а «Конфликтотенные зоны в языковом сознании русских, коми, якутов, татар и бурят: межъязыковые параллели».

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-232-250

LANGUAGE AND COGNITION: REGIONAL PERSPECTIVE

OLGA V. BALYASNIKOVA¹, NATALYA V. UFIMTSEVA¹,
GALINA A. CHERKASOVA¹, NINA L. CHULKINA²

¹Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/1, Bolshoy Kislovskiy per., Moscow, 125009, Russian Federation

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract

The psycholinguistic study is aimed at investigating the impact of culture and language on the images of socially important concepts in linguistic consciousness. The study is based on the data obtained in the massive associative research implemented in Tatarstan and Sakha (Yakutia), which involved sample groups of Russians, bilingual Yakutians and bilingual Tatars. It employs the conceptual framework of linguistic consciousness developed by Russian psycholinguists and associated with the notions of speech act, consciousness and culture. Linguistic consciousness reflects speech acts in relation to cognitive processes and the transformation of these acts into communication. The sample was obtained by a free associative experiment which registered the first reply. The study presents the obtained results as Karaulov's model of "associated gestalt", modified to meet the requirements of the study. The model is divided into semantic zones and subzones which are further compared in different samples. The paper demonstrates that the associative meanings of lexemes-stimuli contain components clearly dependent on the differences between not only the ethnic language structures, but also between the Russian, Yakutian and Tatarian cultures and their mutual influences in the course of intercultural communication and interaction in vitally important areas.

Keywords: *language consciousness, psycholinguistic experiment, associative meaning, Yakuts, Tatars, Russians*

Article history:

Received: 20 December 2017

Revised: 23 January 2018

Accepted: 12 February 2018

For citation:

Balyasnikova, Olga, Natalia Ufimtseva, Galina Cherkasova, and Nina Chulkina (2018). Language and Cognition: Regional perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 232—250. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-232-250.

Bionote:

OLGA V. BALYASNIKOVA is a PhD, Senior Researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Her research interests are focused on psycholinguistics and linguoconflictology. *Contact information:* e-mail: gacherk@mail.ru

NATALIA V. UFIMTSEVA is Full Professor, Doctor of Philology, Head of Ethnopsycholinguistics Department at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Her research interests are focused on psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, language and cognition. *Contact information:* e-mail: nufimtseva@yandex.ru

GALINA A. CHERKASOVA is a Researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Her research interests are focused on psycholinguistics, computer linguistics. *Contact information:* e-mail: gacherk@mail.ru

NINA CHULKINA is a full professor at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Her research interests cover psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, linguoculturology, cognitive linguistics, semiotics, intercultural communication. *Contact information:* e-mail: nina.chulkina@yandex.ru

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

The research has been funded by Russian Foundation of Basic Research (research grant: RFBR № 15-34-14007/17 and RFBR № 15-04-00378a).